

КОЛЛЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

КИНОПОВЕСТЬ
СВЕТ

ВИЛИЙ ВИЗИЛЬТЕР
ПО РЕАЛЬНЫМ СОБЫТИЯМ
ВО ТЬМЕ

Вилен Семенович Визильтер

Свет во тьме

Серия «Коллекция современной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65836981

Свет во Тьме:

ISBN 978-5-907395-92-3

Аннотация

Предлагаемая киноповесть повествует о драматической любви московской девчонки с Арбата Светланы Королёвой и техасского ковбоя Кристофера Кинга в самый разгар сталинских репрессий... Но Любовь Светланы и Криса побеждает всю мощь сталинского репрессивного аппарата. Правда, у них есть ангел-хранитель, вожак Арбатской вольницы Серёга-Король.

Заканчивается фильм в 2000 году, когда выпускник Гарварда Кристофер Кинг-младший, внук Светланы и Кристофера, приезжает в Москву и... встречает свою Любовь...

Содержание

Часть первая

8

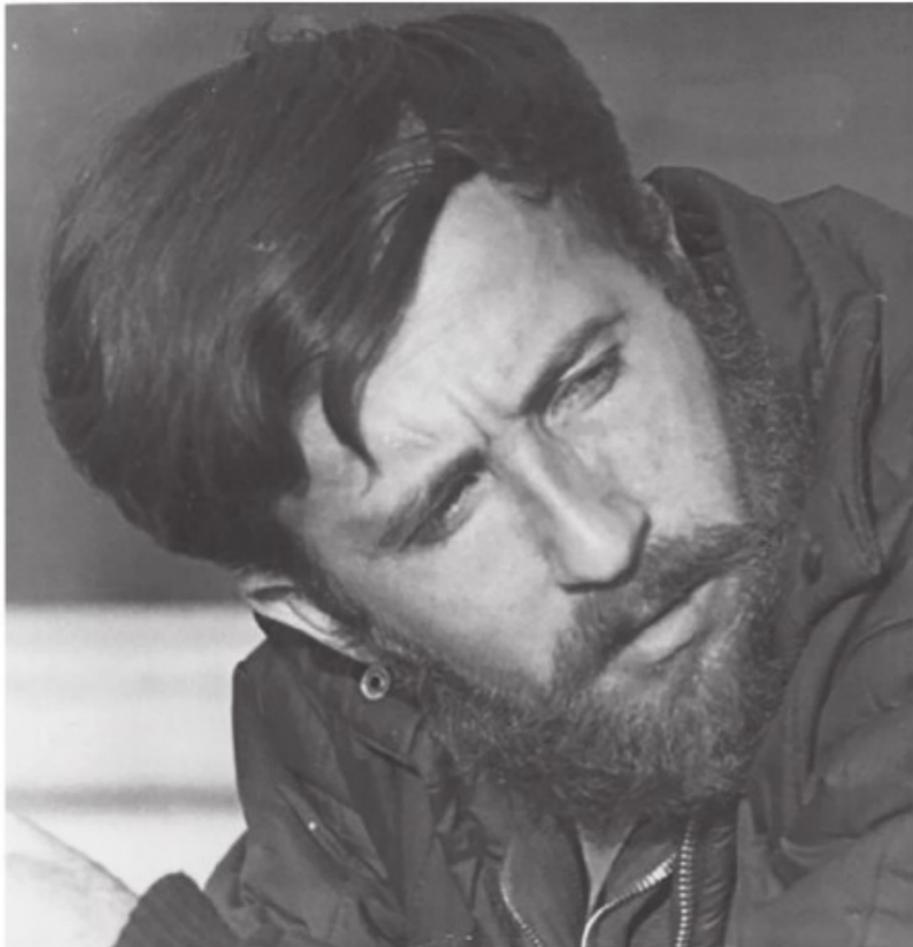
Конец ознакомительного фрагмента.

53

Вилий Семёнович
Визильтер
Свет во Тьме

© Вилий Визильтер, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Визильтер Вилий Семёнович родился в 1938 году в селе Калиновка Днепропетровской области. Его первый телевизионный документальный фильм «Христоносцы» (1962 год) – об одной из изуверских религиозных сект на Северном Кавказе. Снимал его как сценарист, оператор, режиссёр

и монтажёр в одном лице.

В 1964 году Вилий Визильтер поступил на отделение телевидения факультета журналистики МГУ. Учёбу совмещал с работой в редакции информации Центрального телевидения как автор-оператор. Была тогда такая профессия. Затем – молодежная редакция, литературно-драматическая.

Первый телевизионный спектакль, «Театральный разъезд» по Гоголю, создавал в литдраме ЦТ как сценарист и режиссёр. В роли Хлестакова был задействован молодой, тогда ещё мало кому известный актер Андрей Миронов.

Первый полнометражный документальный фильм «Кому останутся сады» о детях Казахстана снят на Казахском телевидении в 1972 году. В 1976 году Вилий Визильтер принял участие в грандиозном телепроекте молодёжной реакции ЦТ «Наша биография» и создал три полнометражных документальных фильма в рамках этого цикла. Телепроект получил Государственную премию СССР.

В 1978 году снял первый телевизионный мюзикл «Наследники Прометея». В 1986–1989 годах участвовал в создании на Центральном телевидении первой сатирической программы «И в шутку, и всерьёз». Она была заметна на тогдашнем теленебосклоне.

В 1999–2002 годах вместе с Аркадием Вайнером и Натальей Дарьяловой создавал первый частный нравственно-правовой телеканал «Дарьял ТВ». Работал в качестве главного редактора и заместителя генерального директора.

После продажи телеканала вернулся в документальное кино, где и продолжает работать в качестве сценариста и режиссёра.

За это время созданы такие известные документальные фильмы, как «Диктатор Крыма», «Диалоги с Колчаком», «Полёт с осенними ветрами» о татарском поэте Габдулле Тукае, «Москва придумает меня» о русском поэте Аркадии Кутилове и много других.

В 2007 году на Всероссийском конкурсе сценариев документальных фильмов киносценарий цикла документальных фильмов «Русские мастера» получил первую премию.

По этому циклу сняты документальные фильмы «Федоскино – чистый родник» и «Кузнец Ея Величества» о питерском кузнеце Игоре Андрюхине, который во второй раз после легендарного Левши удивил английскую королеву.

Вот уже более полувека Вилий Визильтер продолжает работать в документальном кино в качестве сценариста и режиссёра. В 2015 году к 70-летию Победы в конкурсе «Наше Подмосковье» в рубрике «Спасибо деду за Победу» его фильм «И вечный бой...» получил Вторую премию.

За это время автор издал две книги документальной прозы: «Закадровые нескладушки» и «Эхо Эпохи».

«Свет во Тьме» – первый опыт художественной прозы.

Часть первая

Главные действующие лица:

СВЕТЛАНА КОРОЛЁВА, 19 лет от роду в 1939 году.

Место жительства – Арбат, точнее, Сивцев Вражек, студентка ИФЛИ.

КРИСТОФЕР КИНГ, 25 лет от роду в 1939 году. Выпускник Гарварда, родом из Техаса.

СЕРЁГА-КОРОЛЬ, вор в законе, 24 лет от роду в 1939 году. Место жительства – Арбат, между отсидками.

Неглавные действующие лица:

ЛАВРЕНТИЙ, нарком НКВД.

Зэки, вертухаи.

*Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь.*

Анна Ахматова

*И свет во тьме светит. И тьма не поглотит его.
Евангелие от Иоанна, 1: 4*

Москва начала 60-х годов прошлого столетия. Осенний вечер. Старое здание МГУ на Моховой. Студенты и студентки выбегают из ворот и расходятся в разные стороны. Поварская. Большой зал консерватории.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Эту странную историю я услышал очень давно, можно сказать, на заре туманной юности, где-то в начале 60-х годов прошлого столетия. Я тогда учился

на первом курсе МГУ в старом здании на Моховой. И после лекций время от времени убегал на концерты в Большой зал консерватории, благо он располагался недалеко и билет стоил, как тогда говорили, дешевле грибов, что было необременительно для моего весьма скромного студенческого бюджета.

Большой зал консерватории заполняют меломаны. На сцену выходят музыканты оркестра, раскладывают ноты, настраивают инструменты.

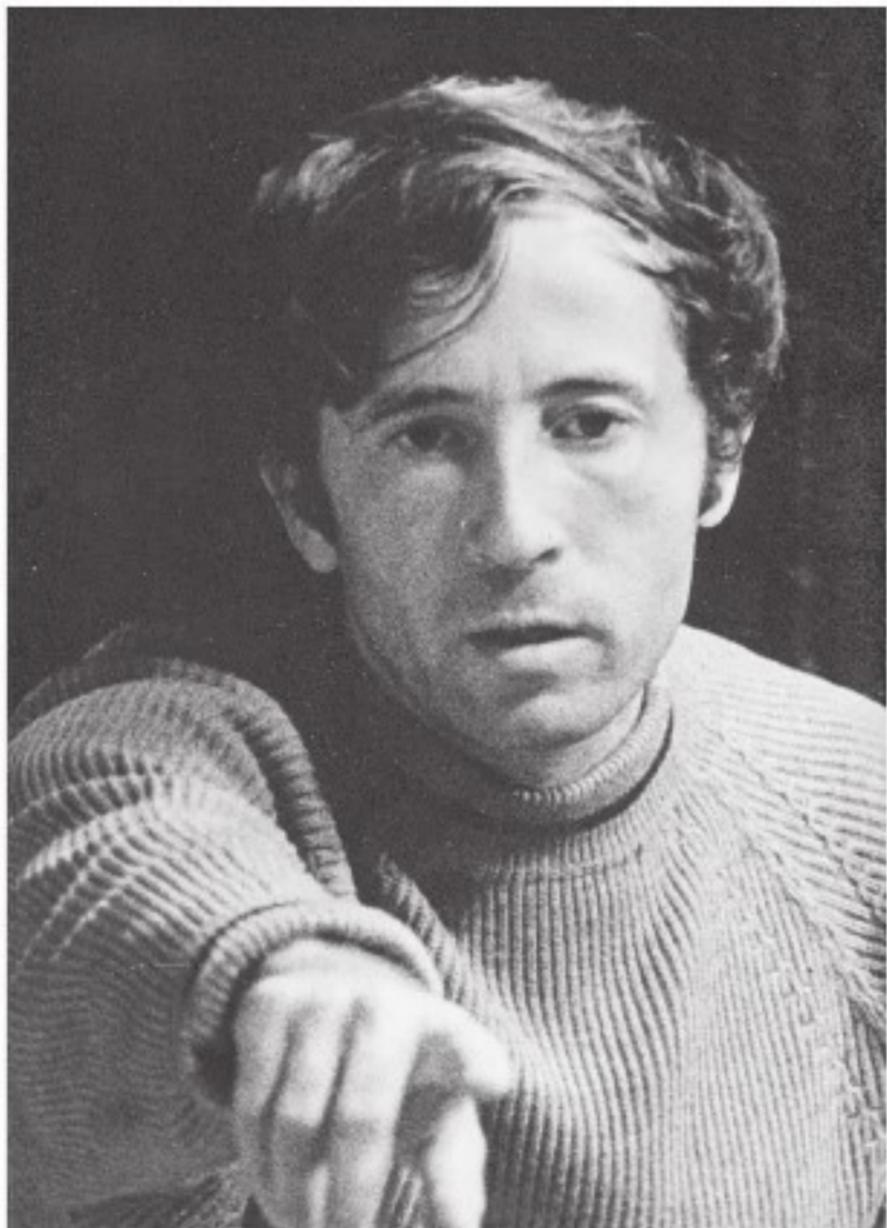
ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Я всегда старался приходиться заранее и целиком погружался в этот нестройный шум партера, звуки настраиваемых инструментов и предвкушал, как сейчас зазвучит знакомая и в то же время незнакомая тревожная музыка. На этот раз я был особенно настроен. Предстояла встреча с любимым моим Вторым концертом Рахманинова для фортепьяно с оркестром. И вдруг какая-то резкая диссонансная нота вывела меня из привычного забытья...

По проходу чинного благородного партера идёт совершенно нелепая для этого зала фигура: сухопарый пятидесятилетний мужчина в хромовых, начищенных до блеска сапогах, голенища сдвинуты в гармошку. Чёрные узкие брюки заправлены в голенища. Чёрный пиджак старого покроя и распахнутый воротник белой рубашки. Причёска соответствует

всему внешнему облику: косая чёлка, но поседевшая. Такое впечатление, что он явно попал сюда по недоразумению. Как правило, такие персонажи сюда не ходят.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Это был персонаж из моего послевоенного хулиганского детства, один из тех героев блатного мира, которым мы поклонялись. Как будто бы окружающее меня гармоническое пространство дало трещину, и из неё вывалился один из давних героев моих послевоенных горизонтов.

Начинается концерт. Одухотворённый зрительный зал, какой бывает только на концертах выдающихся исполнителей. И среди зрителей – странный посетитель: сидит в напряжённой позе, не шелохнувшись, уткнув лицо в ладони...

Антракт. Очередь в буфет. Курительная комната. Странный посетитель. Курит «Беломор».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. В антракте я встретил его в курилке. В то время все уже щеголяли импортными сигаретами, в основном болгарскими. Женщины курили «Фе-мину», мужчины – «Стюардесу» или «Родопи». И среди толпы изысканных курильщиков лишь он один курил «Беломор».

Афиши концертов в большом зале консерватории. Публика во время антрактов. Курилка. И снова странный «меломан».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Больше я его в Большом зале консерватории не встречал. А через полгода, уже зимой, я его снова встретил, и снова на Втором фортепьянном концерте Рахманинова. Мы даже поздоровались с ним в курилке, как старые знакомые. Поздоровались и только. Что-то было в нём, что не давало повода для светской беседы. Но с тех пор он как заноза сидел в памяти. Как же я себя корил, что упустил его. Я чувствовал, что упустил некую тайну. Но чему быть, того не миновать. Я его снова встретил, и снова совершенно случайно.

Старый Арбат. Май месяц. Старые арбатские дворики.

Бабушки на лавочках. Футбол на пустыре. Доминошники.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. В мае, в конце второго семестра, я решил заскочить к своему другу на старом Арбате. Это было незадолго до начала строительства проспекта Калинина. Под ласковым майским солнцем оживали дворы. Бабушки на лавочках плели свои вечные неторопливые словесные кружева. Воздух был насыщен ароматом первых цветов, щебетом птиц и визгом пацанвы, игравшей в футбол на окрестных пустырях. Доминошники в белых и синих майках ловили первый майский загар и вели бесконечные яростные застольные баталии.

Старый арбатский двор. Стол. Пачки «Беломора». Кости домино. Доминошники с косыми чёлками. У некоторых золотые фиксы. Игра в разгаре. Реплики во время игры.

– Пару ампул мы с ним раздавили без закуси, вроде ничего. А тот заводной, ему мало. Пузан на что уже арап, и то чуть не облез от такой борзости.

– Он жрёт как лошадь и не балдеет ни хрена.

– Да уж, квасить он силён: пузырь без закуси с горла за просто на грудь берёт.

– Подумаешь, пару банок раздавили, и на подвиги потянуло.

– Не, Серёга, ты неправ. Он афер ещё тот. А за жопу ни

разу не взяли.

– Рыба! Амбец тебе. Сел на бабки.

– Где же я бабки посеял, чтоб я сдох, не помню.

– У Грача займи. Он с ранья балдёжный. Можешь подкатиться.

– Да. Он на северах мантулил, бабки имеются, скажи, Король?

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. *(В белоснежной накрахмаленной рубашке с распахнутым воротом.)* Да у него в одном кармане – вошь на аркане, в другом – блоха на цепи.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Это был Он, мой таинственный незнакомец из консерватории.

Кто-то из игроков с торжеством бьёт о стол костяшкой домино.

– Хер вам! А ху-ху не хо-хо! Пустырёк! Получил? Эх ты, байданщик, способный разве что вертать углы.

– Удивил! А вот получай! *(Бьёт костяшкой.)* Наше вам в шляпу! Куда баллоны катишь с утра пораньше? Буфер!

– Ой, братва! Я давеча на скачках такую чувиху буферястую закадрил!

– А я у бухаря бока взял, а они не тикают. *(Выкладывает на стол старые карманные часы.)* Разыграем?

– Любишь ты сазанов на бугая брать...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут мой странный любитель классической музыки, которого называли то Серёгой, то Королём, с удивлением взглянул на меня.

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. О-о-о, студент. Какая встреча! Как ты здесь оказался, в нашей тёплой компании?

СТУДЕНТ. Да вот, зашёл к другу, а он куда-то выскочил. А почему вы решили, что я студент?

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. Так ведь и мы грамотные, газеты читаем.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Действительно, не так давно в «Вечёрке» была опубликована моя информашка о стройотрядах с ма-аленькой полуслепой фотографией.

СТУДЕНТ. Ну и как?

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. Не обижайся, фуфло всё это. У нас газеты так лихо фуфло гонят, завидки берут. *(Улыбается, сверкая золотой фиксой.)* Поучиться надо. Пошли лучше пивка попьём с прицепом. За встречу. *(Обращается к доминошникам.)* Корешок мой случайный. Садись, Лёха, на моё место. Оно фартовое.

– Серёга, ты там гляди в оба. Там жульманы пасутся возле балагана. Видать, навар имеют. А давеча гляжу, Литер и два бобика крутятся. Нюхают чего-то.

– Да. Там канарейка всю дорогу паслась, бухарей отлавливали.

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. А мне-то что? Я чистый. Чище не бывает. Да и бухать особо не собираемся. Так, слегка залить желание. Пошли, студент... *(Набрасывает на плечи чёрный, безукоризненно выглаженный и вычищенный пиджак.)*

Старая забегаловка на Арбате. Круглые столики на высоких железных ножках вынесены на улицу. Всё забито. Обычный галдеж.

– Эй ты, пугало, куда прёшься?

– Чего?! Я те дам пугало. Ишь, законопатился, я те шас по батареям врежу пару раз, так отметелю, что мама родная не узнает, понял?

– Ты меня на «понял» не бери. Я за «понял» четверик отсидел, понял?

– Ладно, не лезь в пузырь.

– Что, корявый, замандражировал? Это тебе не жопой гвозди дергать.

Панорама по заведению.

– Я сколько раз мусоров на сквозняк брал...

– Нет, представляешь, в тамбуре перо достал, меня собрался на бздюху брать. Ну я ему в лыч пару раз и жопой об перегородку, он и затих...

За столом, уставленным кружками пива с пеной через край и воблой, Серёга-Король и «студент». Перед каждым ещё по рюмке водки и по кусочку чёрного хлеба с селёдкой.

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. Ты, небось, думаешь, чего это я на эти

светские рауты хожу? Ну, признавайся, задело?

СТУДЕНТ. Задело. И что, ни один концерт не пропускаешь?

СЕРЁГА-КОРОЛЬ. Когда на воле – ни один. Ноги сами несут, как только на афише появляется Второй концерт Рахманинова. А всё началось с того, что встретил я свою Царевну Лебедь. Такое раз в жизни бывает, а в иной жизни – и ни разу. И вот этими руками выпустил её на волю. Здесь бы она не выжила... Это случилось после моей первой отсидки. Я первый раз по бакланке тянул срок. Врезал одному меж рогов, а тот чуть копыта не откинул. А там ещё добавили. Бакланья везде хватает, даже на зоне. Говно ж не тонет... (*Отпивает из кружки, закусывает воблой, со вкусом затягивается беломориной.*) Так вот, жила у нас на Сивцевом Вражке одна девчонка, Светка Королёва. Ну, в общем, на первый взгляд ничего особенного. Много у нас на Арбате таких было. Но угораздило её втюриться в американца. Как его к нам занесло, хрен его знает, ну как тебя. Вроде случай, а на самом деле – судьба. Судьба – индейка, а жизнь – копейка...

Большой зал консерватории. Зал полон. Оркестр на сцене настраивает инструменты. В партере – Светлана Королёва. Рядом с ней – единственное свободное кресло. К нему продирается парень. Говорит с лёгким акцентом.

ПАРЕНЬ. Это место свободно?

ДЕВУШКА. Да.

Парень застывает в изумлении, как будто поражён ударом тока.

ДЕВУШКА. Что вы на меня так смотрите?

ПАРЕНЬ. Ваше лицо излучает свет.

ДЕВУШКА. Это отражённый свет.

ПАРЕНЬ. Отражённый от чего?

ДЕВУШКА. От Второго рахманиновского концерта, который, надеюсь, скоро прозвучит. Так что торопитесь занять свое место. Свет идёт со сцены.

Звучат первые аккорды рахманиновского концерта. Девушка вся в музыке. А вот сосед никак не может сосредоточиться. Украдкой бросает короткие взгляды на соседнее кресло.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Господи, вот она, русская мадонна, словно сотканная из пленительных тревожных звуков этой загадочной русской музыки... Всё! Хватит! Веди себя прилично. На тебя уже люди смотрят, ты же пришёл в приличное общество, а не на родео... Ничего не могу с собой поделаться... Как это у них называется? Есть такая сказка. Всё время вертится в голове. Никак не могу поймать эту жарптицу за хвост. А!.. Вот она!.. Есть!.. Аленький цветочек...

Надо же, какие у них есть чудные образы... Так Судьба стучится в дверь. Нет, это же Бетховен. Господи! Да соберись же ты. Возьми себя в руки. Взял. Но не выдержал и уронил. До чего пошлые остроты приходят в голову. Это всё Рахманинов. Всё он. Душа улетает в рай. А тело – в милицию. Ну, это уже острота местного разлива... Господи, что делать? Сейчас закончится концерт. Она встанет и уйдёт, уйдёт! Ну ты даёшь! Ты же на спор охмурял девиц с пол-оборота. Да, так то ж девиц, во плоти и крови. А эта – из другого мира. Это же нечто божественное. Видение. До него и дотронуться страшно. Господи, как страшно! Хоть бы этот концерт никогда не кончался. Но ведь закончится. Сейчас всё кончится. Господи, помоги!..

Раздевалка. Люди разбирают верхнюю одежду. Берёт свой лёгкий плащик и девушка. В другом секторе нервно пытается просунуть руки в карманы куртки её сосед.

Люди выходят из дверей на улицу. Выходит девушка. Через несколько секунд выходит её сосед. Долго идёт вслед за ней, не в силах оторваться, словно привязанный к ней невидимой нитью, затем догоняет её и словно ныряет в омут.

ПАРЕНЬ. Девушка!..

ДЕВУШКА. Да. (Он молчит.) Вы только это мне хотели сказать? Так я и сама знаю, что я девушка.

ПАРЕНЬ. Нет. Не это. Но я ничего не могу придумать.

Мысли разлетаются.

ДЕВУШКА. А!.. У вас, как у Хлестакова, лёгкость в мыслях необыкновенная. Поэтому они и не держатся в голове, разлетаются. Да?

ПАРЕНЬ. Нет, то есть да. Но мне ужасно страшно.

ДЕВУШКА. *(Заразительно смеётся.)* Ой, не могу. Страшно. Ха-ха-ха. Это что, вас Рахманинов так напугал? Ха-ха-ха...

ПАРЕНЬ.

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар Судьбы меня не обойдёт;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдёт...

ДЕВУШКА. Вы что, решили мне прочитать всего Лермонтова?

ПАРЕНЬ. Нет. Это так, выскочило само собой. Я боюсь вас потерять... Позвольте с вами познакомиться.

ДЕВУШКА. Так мы уже знакомы. Целое отделение концерта просидели рядом. *(Слегка иронично.)* Ах, сударь, мы не представились друг другу. Светлана Королёва. А вы, судя по весьма странному поведению и акценту, конечно же, не москвич. А ну-ка, дайте-ка я попробую угадать. Вы из Белоруссии?

ПАРЕНЬ. Нет, я из Техаса. Кристофер Кинг к вашим услугам.

СВЕТЛАНА. Откуда? Из Техаса? Американец, значит. Для американца вы слишком хорошо говорите по-русски.

КРИСТОФЕР. Да, у меня были хорошие учителя. И, кроме того, друзья нашей семьи – выходцы из России.

СВЕТЛАНА. Простите, я не запомнила, как вас зовут?

КРИСТОФЕР. Кристофер. Друзья меня зовут Крис.

СВЕТЛАНА. Крис... странное имя...

КРИС. А что в нём странного? Имя как имя.

СВЕТЛАНА. *(С внутренним волнением и с какой-то странной тревогой в голосе.)* Крис!.. Оно похоже на взмах клинка. Что-то в нём острое, точёное, как штык, воронённое... Ну что же, Крис – так Крис. И что же мы с вами будем делать, Крис?

КРИС. Позвольте мне вас проводить?

СВЕТЛАНА. Так я уже, считай, дома. Вот он, мой Сивцев Вражек. Я ведь местная, арбатская.

КРИС. Сивцев Вражек. Я так и знал.

СВЕТЛАНА. Что вы знали?

КРИС. Что вы должны жить в таком месте.

СВЕТЛАНА. В каком месте?

КРИС. В сказочном.

СВЕТЛАНА. Вот-вот. *(Поёт.)* «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространства и простор. Нам Сталин дал стальные руки-крылья. А вместо сердца – пламенный мотор». Ну, пространства и простор ты преодолел. А как насчёт сердца? Что у тебя там? Тоже пламенный мотор?

КРИС. Нет. У меня там сердце.

СВЕТЛАНА. Уверен? А говорят, что у вас, у американцев, вместо сердца калькулятор, чтоб всё просчитывать. У нас – пламенный мотор, а у вас – холодный расчётливый калькулятор. Лёд и пламень. Плохое сочетание.

КРИС. Кто это тебе сказал? *(Они как-то незаметно перешли на «ты».)* Это всё ложь. Американцы – очень сердечные люди, гостеприимные.

СВЕТЛАНА. Угу. Это ты на что намекаешь? Ишь, хитрован.

КРИС. Я просто подумал...

СВЕТЛАНА. И что же ты подумал?

КРИС. Пока ещё звучит Рахманинов, может быть, ты мне покажешь Арбат. Мне столько о нём рассказывали наши друзья, и я столько о нём читал.

СВЕТЛАНА. А вы что же, сударь, так и не удосужились его посмотреть, тем более что столько о нём читали?

КРИС. Но я же, как это у вас говорится, прямо с корабля на бал.

СВЕТЛАНА. Вы что, решили мне всю русскую классику процитировать? Лермонтов, Грибоедов. Кто следующий? Откуда такое глубокое знание русской поэзии?

КРИС. Я в университете изучал русскую поэзию XVIII и XIX веков. Но, наверное, всё-таки весьма поверхностно.

СВЕТЛАНА. Вот как! В таком случае ваш интерес носит чисто профессиональный характер. Действительно, Арбат –

сплошная история русской поэзии: здесь венчался Пушкин, бывали Грибоедов и другие, столь же достойные люди. (Делает глубокий реверанс.) И посему, светлейший рыцарь из Техаса, извольте посетить мой Арбат, мои пенаты...

Идут по старому Арбату, о чём-то говорят, смеются.

На пути им попадаются расчерченные мелом классики. Они прыгают из класса в класс... а мимо них иногда, не часто, как тени, проскальзывают тёмные бесшумные «Эмки». И только шины шуришат по мостовой, издавая еле слышимый звук: «ши-ш-ш...», но молодые люди их не замечают. Подходят к её дому в Сивцевом Вражке.

СВЕТЛАНА. Ну вот и закончилась наша малая кругосветка. Вот моя деревня, вот мой дом родной.

КРИС. Как, уже?!

СВЕТЛАНА. Уже.

КРИС. А может, выпьем по чашечке кофе?

СВЕТЛАНА. Где?

КРИС. В каком-нибудь кафе.

СВЕТЛАНА. Ха! Насмешил. Ты посмотри, который час.

КРИС. Счастливые часов не наблюдают.

СВЕТЛАНА. Опять Грибоедов. Вы просто насыщены русской поэзией. Это только в России может быть. Непостижимая страна. Счастливые, милоч, часов, может быть, и не наблюдают. А вот общепит работает по часам.

КРИС. А что такое общепит?

СВЕТЛАНА. *(Машет рукой.)* Ещё узнаешь. У нас в это совсем не детское время пьют разве что в подворотнях, и то не кофе, а бормотуху.

КРИС. А что такое бормотуха?

СВЕТЛАНА. Не слишком ли ты много вопросов задаёшь, мил-человек? Меньше знаешь – лучше спишь. Понял?

КРИС. Не понял.

СВЕТЛАНА. Мне пора. Понял?

КРИС. Понял... А мы ещё встретимся?

СВЕТЛАНА. Встретимся.

КРИС. Когда?

СВЕТЛАНА. Не знаю... Может быть, на той неделе. Там же, в Большом зале. На Первом фортепьянном концерте Чайковского.

КРИС. Но это же целая вечность!..

СВЕТЛАНА. Американцы все такие нетерпеливые?

КРИС. Нет. Но неужели ты не понимаешь, что это очень долго? Это целая вечность.

СВЕТЛАНА. Повторяешь как попугай: вечность, вечность... (Смотрит на полное отчаяния лицо Криса.) Ну что же мне с тобой делать? А-а-а! Слу-ушай. У нас завтра репетиция в студенческом театре, в шесть вечера. Это рядом с консерваторией. На той же стороне улицы. Иди в сторону Моховой. Прямо на двери надпись «Студенческий театр». Ставим Шекспира, «Ромео и Джульетту». Пока, Ромео...

Студенческий театр. Репетиция трагедии «Ромео и Джульетта».

Крис взбегает по лестнице и подбегает к двери с надписью «Актёрский зал», протягивает руку, но в этот миг дверь с треском распаивается и отбрасывает его в сторону. Над ним пролетает некое человеческое тело, а его самого кто-

то хватает за грудки и втягивает в зал. Странный тип: на взъерошенной голове каким-то чудом сидит бандана, на шее – шарф типа спартаковских или зенитовских с надписью «Монтекки».

ТИП. Ты за кого: Монтекки или Капулетти?

КРИС. Я ни за кого.

ТИП. Кто не с нами, тот против нас, понял? Защищайся, тайный агент Капулетти.

В это время кто-то с воплем «Бей Монтекки!» нахлобучивает на голову странному типу бельевую корзину. Крис проползает между ними. Оглядывается. В зале творится что-то невообразимое, как во время потасовок фанатов «Спартака» и ЦСК. Кто-то сражается ножками от стульев. В центре зала – куча-мала, как в американском футболе, кто-то на канате, как Тарзан на лиане, вылетает со сцены в зал и приземляется на эту кучу-малу. По обе стороны потасовок стоят крепкие парни в шарфах «Монтекки» и «Капулетти» с рупорами, очень похожими на прямоугольные жерла уличных репродукторов, и орут речёвки.

– Знают все давным-давно:

Мы – Монтекки, вы – говно!

– Все Монтекки – тупые чуреки!

– Все Капулетти – гнилые спагетти!..

В самый разгар потасовки раздаётся пронзительный разбойничий свист. На сцене – режиссёр.

РЕЖИССЁР. А ну, фильтруй базар!

Немая сцена. Как будто все ошолбенели от свиста.

РЕЖИССЁР. Посмотрите на себя. Какие вы Монтеки и Капулетти?! Вы – арбатская шпана. Это же два аристократических семейства. И вражда у них аристократическая. Да будет вам известно, что во времена Шекспира всё решали шпага и рапира. Подайте мне шпаги.

Из-за кулис ему бросают одну шпагу, затем – вторую. Он их ловко ловит.

РЕЖИССЁР. Я вам сейчас продемонстрирую, как это делается. *(Делает выпад.)* Кто готов со мной сразиться?

Делает ещё один выпад в сторону довольно крепкого и крупного парня.

РЕЖИССЁР. Ты?

ПАРЕНЬ. Не... Я больше доверяю кулаку пролетарьята, чем шпаге аристократа.

РЕЖИССЁР. Так. Значит, нет желающих.

СВЕТЛАНА КОРОЛЁВА. *(Взъерошенная, как воробей, с*

синяком под глазом, выходит из толпы.) Почему же, есть желающие.

РЕЖИССЁР (*В комическом ужасе.*) О господи, Джульетта!.. Ты ли это?! Ты, скорей, похожа на Гавроша, чем на невинную прелесть утренней зари. Это кто же тебе такой фонарь засветил?

СВЕТЛАНА. Да вот, один нехороший Монтекки попытался как-то нехорошо отозваться о Капулетти. Пришлось встать на защиту чести и достоинства семьи.

РЕЖИССЁР. Бедный Ромео. Даже не представляет, во что он влип. Ну а теперь ты решила встать на защиту чести и достоинства всего этого достопочтимого коллектива? Я так понимаю?

СВЕТЛАНА. Да, именно так.

РЕЖИССЁР (*Бросает ей шпагу.*) Ну, тогда защищайся.

И начинается блистательный турнир. Соперники достойны друг друга. Монтекки и Капулетти объединяются и дружно болеют за Джульетту. Наконец Джульетта неуловимым движением выбивает шпагу из руки режиссёра.

ДЖУЛЬЕТТА. Ну что, мир?

РЕЖИССЁР. С мечом в руках – о мире говорить?

Мне даже слово это ненавистно.

Вы, сударыня, настоящий рыцарь.

ДЖУЛЬЕТТА. Я о подобной чести не мечтала. (*Салюту-*

ет ему шпагой.)

РЕЖИССЁР. Так, антракт закончен на героической ноте. Все в сборе? Репетируем эпизод из второго акта, сцена первая. Джульетта, приведи себя в порядок.

ДЖУЛЬЕТТА. Я в порядке.

РЕЖИССЁР. Ну хотя бы фонарь погаси неким слоем пудры и белил. И причёску приведи в порядок. А то ведь Ромео не поймет. Кстати, где Ромео?

ПАРЕНЬ. *(Который больше надеется на свой кулак, чем на шпагу.)* Его ночью увезли. Контрой оказался.

РЕЖИССЁР. Дурак он, а не контра. Сколько раз я ему говорил, что язык его до Колымы доведёт.

СВЕТЛАНА. Это плохая примета.

РЕЖИССЁР. Королёва, это суеверие, предрассудки. Выходи из мелкобуржуазного болота и становись на твёрдую почву коммунизма. Что касается «Ромео и Джульетты», мы должны смотреть на эту драму с высоты нашего социалистического мировоззрения. Я уверен, что, если бы Шекспир жил в наше время, у этой драмы был бы другой финал.

СВЕТЛАНА. Какой?

РЕЖИССЁР. Жизнеутверждающий.

СВЕТЛАНА. А у Шекспира что, другой?

РЕЖИССЁР. Шекспир жил в мрачную эпоху Средневековья. Тогда «для веселия планета была мало оборудована», как правильно сказал, правда, по другому поводу, великий пролетарский поэт Владимир Маяковский. Ладно. Кто знает

текст Ромео?

СВЕТЛАНА. Отряд, значит, «не заметил потери бойца и «Яблочко» песню допел до конца».

РЕЖИССЁР. Он не боец, а контрреволюционер, не наш человек, и хватит об этом. Мы тебе найдём другого Ромео, не хуже. А пока продолжим репетицию. Кто знает текст Ромео?

КРИС. *(Из зала.)* Я знаю.

РЕЖИССЁР. А ты откуда, товарищ?

СВЕТЛАНА. Это мой приятель.

РЕЖИССЁР. Ну и прекрасно. Давай на сцену. Репетиция продолжается. Акт второй. Сцена первая.

ДЖУЛЬЕТТА. Как ты попал сюда? Скажи, зачем?

Ведь стены высоки и неприступны.

Смерть ждёт тебя, когда хоть кто-нибудь

Тебя здесь встретит из моих родных.

РОМЕО. Я перенёсся на крылах любви:

Ей не преграда каменные стены.

Любовь на всё дерзает, что возможно,

И не помеха мне твои родные.

ДЖУЛЬЕТТА. Но, встретив здесь, они тебя убьют.

РОМЕО. В твоих глазах страшнее мне опасность,

Чем в двадцати мечях. Взгляни лишь нежно —

И перед их враждой я устою...

ЛОРЕНЦО. Таких страстей конец бывает страшен.

И смерть их ждет в разгаре торжества.
Так пламя с порохом в лобзанье жгучем
Взаимно гибнут...

РЕЖИССЁР. Bravo! Великолепно! Я же тебе говорил, что мы найдём тебе Ромео лучше прежнего. Свято место не бывает пусто. Или, как говорит товарищ Сталин, у нас незаменимых людей нет. Вот тебе настоящий пылкий Ромео. (*Обращается к Крису.*) У тебя просто талант к лицедейству. А ну-ка, попробуем акт третий, сцену первую. Эпизод встречи Тибальда и Ромео.

ТИБАЛЬД. Ромео, ненависть моя к тебе
Другого слова не найдёт: ты подлый!

РОМЕО. Но у меня, Тибальд, причина есть

Любить тебя; она тебе прощает
Всю ярость гневных слов. Я не подлец.

Прощай! Я вижу, ты меня не знаешь. (*Хочет уйти.*)

ТИБАЛЬД. Мальчишка, это извинить не может

Обид, тобою нанесённых мне.
Сейчас вернись и обнажи свой меч.

РОМЕО. Клянусь, что я тебя не оскорблял!

Люблю тебя сильнее, чем можешь думать...

РЕЖИССЁР. Стоп-стоп-стоп. Всё хорошо, Ромео. Только вот, знаешь, у тебя проскальзывает некий гнилой пацифизм. Перед тобой враг, а ты начинаешь с ним сюсюкать...

КРИС. Так ведь трагедия Шекспира – не только трагедия любви. Я так понимаю. Она глубже. Это ещё и трагедия личности Ромео, который понимает всю бессмысленность вражды.

РЕЖИССЁР. Кое в чём ты, может быть, и прав. Конечно, в этой борьбе нет классовой мотивации. Но Ромео – это бунтовщик, а у тебя он больше смахивает на гагар, которые тоже «стонут. Гром ударов их пугает», как правильно сказал в «Песне о Бунтовщике» великий пролетарский писатель Максим Горький.

КРИС. Но милосердие к врагу – разве не достоинство?

РЕЖИССЁР. Если враг не сдаётся, его уничтожают! Заметь, это не я говорю, это говорит великий пролетарский писатель, бунтовщик революции Максим Горький. Жёстче надо быть, жёстче. Мы ставим героическую трагедию, а не сопливую мелодраму.

КРИС. Но ведь у Шекспира бессмысленная, беспощадная борьба убивает любовь.

РЕЖИССЁР. Как я уже говорил Джульетте, Шекспир жил в эпоху мрачного, тёмного Средневековья. Живи он в наше время, когда уже виден свет коммунизма, у него был бы дру-

гой, оптимистический, финал, как, скажем, в бессмертной горьковской поэме «Девушка и Смерть». И поэтому мы, дети невиданной в истории человечества революции, видим в этой трагедии гимн героизму и всепобеждающей силе любви. Живи сейчас Шекспир, он был бы с нами, как Максим Горький. Я в этом уверен. Поэтому долой гнилой пацифизм и соглашательство! Да здравствует бескомпромиссный героизм! Усёк?

КРИС. Усёк. Но...

РЕЖИССЁР. Никаких но. Продолжаем репетицию...

Поздний вечер. Крис и Светлана возвращаются с репетиции. Таинственные арбатские переулки. Блики света от раскачивающихся фонарей. И лица их то освещаются, то гаснут в темноте.

КРИС. Странно как-то. Исчезает человек, и вы воспринимаете это в лучшем случае как нечто само собой разумеющееся, а то ещё и со злорадным удивлением: «Надо же, контра затесалась в наши ряды».

СВЕТЛАНА. Ну, во-первых, не исчезает, а его арестовывают. Во-вторых, вот уже почти четверть века мы живём в условиях осаждённой крепости, островок социализма во враждебном океане недружелюбия.

КРИС. Но даже в осаждённой крепости должно существовать правосудие. Человеку должны предъявить обвинение.

Должно состояться судебное разбирательство. И если суд признает виновным, только после этого сажать в тюрьму. Я так понимаю.

СВЕТЛАНА. Да? Сразу же после объявления Второй мировой войны в Англии, Франции, Бельгии всех подозрительных немцев изолировали без суда и следствия.

КРИС. Так то же немцев...

СВЕТЛАНА. Тут хрен разберёшь, где немец, а где не немец.

КРИС. Но я думаю...

СВЕТЛАНА. Нам с тобою думать неча, если думают вожди. *(Пародирует режиссёра.)* Это не я говорю. Так говорит великий пролетарский поэт Владимир Маяковский. И хватит об этом. Поговорим лучше о любви.

КРИС. *(С удивлением и радостью.)* О любви?

СВЕТЛАНА. О любви Ромео и Джульетты...

КРИС. Когда мы встретимся?

СВЕТЛАНА. Опять? Ну, право, не знаю. Ну не тащить же тебя на лекции, мой милый Ромео. Хотя... ты же любитель поэзии. Как это я забыла?

КРИС. *(Обрадовавшись.)* Да! Я любитель поэзии.

СВЕТЛАНА. У нас в ИФЛИ послезавтра вечер поэзии.

КРИС. А что такое ИФЛИ?

СВЕТЛАНА. Институт философии, литературы и истории. Я там учусь. Жди меня в шесть часов вечера у консерватории. Усёк?

КРИС. Усёк.

СВЕТЛАНА. Всё, пока.

Убегают. Спустя некоторое время на втором этаже загорается свет в окне. Крис смотрит на зажжённое окно...

Аудитория, битком набитая студентами. На заднике сцены что-то вроде огромной стенгазеты. Вихрастые расхристанные человечки вперемежку с человечками в «пыльных комиссарских шлемах». Поэтические лозунги типа: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». Инструмент поэта – карандаш и подпись под ним: «Острый, точёный, как штык воронёный», «Эй, школяры и детвора! Даёшь поэмы на-гора!» – и т. д. и т. п. На сцене – Светлана Королёва.

СВЕТЛАНА. Я почти уверена, что вы все читали драму «Гроза» нашего известного классика. И наверняка обратили внимание на главную героиню, Катерину.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Это которая «луч света в тёмном царстве»?

СВЕТЛАНА. Та самая. Так вот, если вы не возражаете, я вам прочту её монолог в моей интерпретации.

ГОЛОСА. Валяй... Дерзай... Интерпретируй... Пробуй...

СВЕТЛАНА. От постылого порога

Вымученно, криво

Тёрном стелется дорога
С волжского обрыва.
Над обрывом свет струится
Стаи лебединой.
Кличет горько, вслед стремится
Сердце Катерины.
Катерина – лебедь белый,
Бедный мой подранок,
Ах, сюда ты залетела
Поздно или рано.
Все под крышами укрылись
От любой стихии.
Нынче все угомонились
Молодцы лихие.
Где ж вы, странники Господни,
Рыцари отваги?!
Только лают в подворотнях
Шавки да дворняги.
Только вороньё кружится,
Солнце застилая.
Ах! Взлететь бы вольной птицей
С лебединой стаей!
В небо ринуться с обрыва,
Хоть на миг, не боле!..
Стоит, стоит миг счастливый
Вечности в неволе.

(Стихи автора)

Аплодисменты, крики одобрения и осуждения. Всё смеша-

лось. Крис рукоплещет громче всех.

Реплики из зала. Перепалка в зале:

– Ты забралась на чужую территорию.

СВЕТЛАНА (*Спускаясь со сцены.*) Это на какую же?

– На мужскую.

СВЕТЛАНА (*Оглядываясь вокруг.*) Что-то я не врубаюсь...

– Ну у тебя же мужские стихи.

СВЕТЛАНА. (*Пробираясь между рядами.*) А это уже не ко мне. Все претензии – к моей героине. Очевидно, что-то мужское было в её характере.

– Откуда столько пессимизма?

СВЕТЛАНА. А это ты у товарища Островского спроси. Очевидно, не заметил он особого оптимизма в «тёмном царстве Диких и Кабановых».

– Светка, ты отступила от своих позиций!..

А на сцене другой поэт как бы отвечает на реплику из зала.

– Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы грезили боями.

А век командовал: «В шеренгу по два!»,

А век велел: «На выгребные ямы!»

Мы отступили, и тогда кривая

Нас понесла наверх. И мы как надо

Приняли бой, лица не закрывая,
Лицом к лицу и не прося пощады.
Мы отступали медленно и честно.
Мы били в лоб, мы не стреляли сбоку.
Но камень бил, но резала осока,
И злобою на нас несло из окон,
И горечью нас обдавала песня...

(Стихи Павла Когана)

ВЕДУЩИЙ ВЕЧЕРА. Товарищи дорогие! Откуда столько пессимизма? «Жить становится лучше, жить становится веселей», как сказал товарищ Сталин, а вы рыдаете в жилетку. Если и следующий оратор запоёт ту же песню, я посыплю голову пеплом и подам в отставку с поста ведущего этого поэтического собрания плачущих большевиков. *(Обращаясь к девушке на сцене.)* Сударыня, пожалейте мои седины, больше оптимизма.

Дальше – поэтесса на сцене и Крис, который беззвучно повторяет её слова.

Я удивляюсь, как люди не замечают твоей красоты,
Как спокойно выдерживают твоё рукопожатье,
Ведь руки твои – конденсаторы счастья,
Они излучают тепло на тысячи метров,
Они могут растопить арктический айсберг...
Твоё тело подобно музыке,
Которую не успел написать Бетховен.

Я хотела бы день и ночь осязать эту музыку,
Захлебнуться ею, как морским прибором.

(Стихи Елены Ширман)

КРИС. *(Вскакивает, аплодирует и кричит.)* Bravo! Bravo!
во!..

Зал взрывается аплодисментами, шум, смех...

ВЕДУЩИЙ ВЕЧЕРА. Мне остаётся только присоединиться ко всеобщему ликованию. Bravo, Елена. Твои стихи пробили чёрствую мужскую оболочку...

Крис и Светлана идут по тихим арбатским улочкам. Мимо них иногда как тени проишмыгивают тёмные бесшумные «Эмки». И только шум шин по мостовой: «Пиш-ш-ш...». Но молодые люди не замечают их...

И вообще вокруг них преобладают красный и чёрный, цвета ритуальных услуг: красные знамёна и лозунги, чёрные костюмы, чёрные кепки и шляпки, чёрные ботинки и туфли. Но молодые люди их не замечают. Они заняты собой и если что и замечают вокруг, то красоту тихих арбатских улочек и переулков.

СВЕТЛАНА. Какая тебя муха укусила? Выскочил как джинн из бутылки? Тебе что, понравились эти стихи?

КРИС. Да... Они же все про тебя. Каждая строка – о тебе. «Я удивляюсь, как люди не замечают твоей красоты. Руки твои – конденсаторы счастья... Твоё тело подобно музыке, которую не успел написать Бетховен... Я хотел бы захлебнуться ею. Как морским прибором...»

СВЕТЛАНА. Ты с ума сошёл!.. Да ты поэт, в натуре. Ну прямо Соломон в Песне песней. *(Смотрит на него, как будто видит в первый раз. Затем делает жест, как будто снимает невидимую паутину с лица.)* «Друг Аркадий, не говори красиво».

КРИС. Но я говорю то, что думаю.

СВЕТЛАНА. И много у тебя таких красивых мыслей?

КРИС. Много.

СВЕТЛАНА. Ну, например?

КРИС. Ну, например, у вас удивительно духовная страна.

СВЕТЛАНА. Ты так считаешь?

КРИС. Да.

СВЕТЛАНА. Блажен, кто верует. Тепло ему на свете.

КРИС. А что, разве не так?

СВЕТЛАНА. Увы, это всё острова в океане пошлости и мерзости. Пир во время чумы.

КРИС. Не понимаю.

СВЕТЛАНА. Ну ладно, замнём для ясности. Будь здоров, поэт. *(Протягивает ему руку. Долгое рукопожатие.)*

КРИС. Когда мы с тобой встретимся?

СВЕТЛАНА. В воскресенье. Я свободна, как ветер. *(Кру-*

жится в вальсе.)

КРИС. *(Глядя на неё в полном восхищении.)* А где?

СВЕТЛАНА. В парке культуры. У нас там в 12 часов сдача норм ГТО.

КРИС. А что такое ГТО?

СВЕТЛАНА. Готов к труду и обороне. Вот ты готов к труду и обороне?

КРИС. Не знаю.

СВЕТЛАНА. Эх ты. А надо отвечать по-пионерски: «Всегда готов!» *(Отдаёт Крису пионерский салют.)*

КРИС. А где же я тебя там встречу?

СВЕТЛАНА. Проще пареной репы. Держи курс на парашютную вышку. Мы там будем прыгать с парашютом.

КРИС. А что такое пареная репа?

СВЕТЛАНА. Ты слишком много вопросов задаёшь. У нас, знаешь, как говорят? Меньше знаешь – крепче спишь. И нам спать пора. Утро вечера мудренее. *(Убегает.)*

СВЕТЛАНА. *(Врывается в комнату как вихрь. Останавливается перед зеркалом.)* Свет мой, зеркальце, скажи и всю правду доложи: я ль на свете всех умнее, всех румяней и милее? Молчишь. А вот он всё удивляется, как люди не замечают моей красоты. *(Смотрит на свои руки, как будто видит их в первый раз).* Руки твои – конденсаторы счастья... *(Кружится по комнате.)* Твоё тело подобно музыке, которую не успел написать Бетховен. *(Обращается к зеркалу.)* А может быть, успел... Я похожа на «Лунную сонату»?

Садится за пианино. Звучит проникновенная, прозрачная лирическая тема из «Лунной сонаты» Бетховена. По ночной Москве идёт Крис, как будто хочет обнять весь этот ночной город, и звёзды над ним, и весь этот прекрасный Божий мир. А мимо него бесшумно иногда, как тени, проскальзывают тёмные «Эмки» с шипящим звуком «пи-ш-ш»...

Парк культуры и отдыха. Из зева чёрных репродукторов звучит бодрая музыка, «Марш авиаторов»: «Всё выше, выше и выше...» Светлана взбирается по ступеням парашютной вышки. И вот она на самой верхней площадке. Её облачают в парашютные снасти, и она решительно бросается вниз, как в пропасть. На неё обрушивается небо вместе с Москвой, и Светлана парит над Москвой.

СВЕТЛАНА. В небо ринуться с обрыва, хоть на миг, не боле. Стоит, стоит миг счастливый вечности в неволе. (Замечает стоящего внизу Криса, машет ему рукой. Приземляется. Крис помогает ей освободиться от парашютных пут.)

КРИС. Ну как там, в небесах?

СВЕТЛАНА. Я могу только ответить последним слогом твоего вопроса: «Ах!...»

КРИС. Что будем делать?

СВЕТЛАНА. Русский смертельный номер мы отработали. Теперь очередь за американскими горками.

КРИС. А у нас их называют «русские горки».

СВЕТЛАНА. Ну, тем более, идем на русско-американские горки.

Русско-американские горки. Шум, визг, смех. А внутри всё смешалось. Пространство словно взбесилось. Непонятно, где верх, где низ, где руки, где ноги. Крис и Светлана, хохоча, выскакивают из этого сумасшедшего аттракциона и бросаются на траву. Земля и небо всё ещё продолжают кружиться.

СВЕТЛАНА (*Вскакивает, хватая за руку Криса и поднимает его на ноги.*) Вставайте, граф, рассвет уже полощется.

КРИС. Я не граф. Я мистер.

СВЕТЛАНА. Хрен редьки не слаще. Мистер-Твистер, бывший министр.

КРИС. Хрен редьки не слаще. Как это понимать?

СВЕТЛАНА. Ну, в том смысле, что в лоб, что по лбу.

КРИС. Ты иногда говоришь загадками.

СВЕТЛАНА. Не загадками, а поговорками. (*Стучит ему пальчиком по лбу.*) И твоему прагматичному, рациональному американскому уму этого не понять. Пошли лучше в комнату смеха.

КРИС. А ты сегодня ещё не насмеялась?

СВЕТЛАНА. Нет! Сегодня мы будем петь и смеяться, как дети.

Комната смеха. Военные, милиционеры, совслужащие,

спортсмены, пионеры в красных галстуках и октябрята – все смеются и хохочут, как дети. И как не хохотать? В кривых зеркалах уморительно смешные фигуры и лица. Крис и Светлана хохочут до упаду. Но постепенно уморительные лица превращаются в морды, свиные рыла – в каких-то жутких монстров. И постепенно смех на лице Светланы переходит в удивление, недоумение, и всё это сменяется выражением страха и ужаса. Она обхватывает голову руками, мчит к выходу, а монстры преграждают ей дорогу, хватают её за руки, встречают её звериным оскалом и ржуют ей вслед, как будто всё исчадие ада вырвалось наружу и вселилось в окружающих её людей. Она с немым воплем выскакивает из комнаты смеха. Крис в недоумении выскакивает вслед за ней.

СВЕТЛАНА. Идём отсюда. Ради бога, идём отсюда!

Стремительно уходят. А вслед им несётся бесовская ржачка из комнаты смеха. Они идут к выходу из парка. Из чёрных репродукторов несётся бодрая советская песня: «Шагай вперёд, комсомольское племя, мы будем петь, чтоб улыбки цвели. Мы покоряем пространство и время. Мы молодые хозяева земли...» Навстречу им – гуляющая нарядная воскресная публика: военные, милиционеры, совслужащие, пионеры. Но время от времени их лица превращаются в монстров со звериным оскалом, и Светлане приходится

ся каждый раз встряхивать головой, чтобы прогнать это жуткое наваждение.

КРИС (*Встревоженно.*) Что с тобой? Что-нибудь случилось?

СВЕТЛАНА. Нет-нет. Это пройдёт. Это у меня бывает иногда. Приступы беспричинного страха. Он приходит и уходит, как страшный сон. Это ещё с детства. В детстве, бабушка говорит, я кричала по ночам. А потом прошло. И это пройдёт. Не обращай внимания.

ГОЛОС ИЗ ЧЁРНОГО РЕПРОДУКТОРА. «Чтобы тело и душа были молоды, были молоды, закаляйся, как сталь...»

Аудитория института. Общая лекция по истории искусства. Перед студентами, до отказа заполнившими аудиторию, стенд с гравюрами Франсиско Гойи из цикла «Капричиос». Перед стендом профессор с указкой.

ПРОФЕССОР. В истории искусства было два Гойи. Ну, скажем, как в истории литературы – два Гоголя: один – автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Тараса Бульбы»; и автор «Шинели» и «Носа». Так и здесь. Один Гойя – автор изысканных женских портретов, потрясающих по своему проникновению во внутренний мир человека, и автор вот всей этой мерзости человеческой, но столь же гениальной.

Он и сам себя никак не мог понять. Он прозрел – или это

плоды надвигавшегося безумия. Обратите внимание на эту гравюру, подписанную: *El sueno de la razon produce monstruos* («Сон разума рождает чудовищ»). Мы ещё вернёмся к этой работе. А теперь обратите внимание на это свадебное шествие. Красота и молодость – временная оболочка. Она быстро разрушается, и тогда из-под одряхлевшей оболочки проявляется звериное лицо. Всё глубже проникают козни демонов в изображаемую им жизнь. Человеческое и дьявольское переплетаются в его «Капричиос» самым непостижимым образом. От этих рисунков поднимается запах ладана и серы. Это правдивее самой правды.

Светлана в шоке. Гойевские демоны срываются со своих мест и обрушиваются на неё. Она с большим трудом стряхивает с себя это наваждение.

ПРОФЕССОР. Но он обуздал дьявольское племя, привоздил к бумаге. У него нет ни капли страха перед этой нечистью. Он испытывает глубокую презрительную, злобную жалость к тем, кто всю жизнь дрожит перед нечистой силой.

ГОЛОС ИЗ АУДИТОРИИ. Да, по-моему, это всё бред сумасшедшего. Творчество пациентов психушек. Наглядное пособие внутреннего мира душевнобольного. *(В аудитории – смех одобрения.)*

Светлана смотрит на этого студента, и постепенно его лицо превращается в одно из звериных рыл из офортов Гойи, а смеющиеся студенты – в ржущее стадо гойевских персонажей. Из этого наваждения её выводит голос профессора.

ПРОФЕССОР. Не торопитесь с выводами, дорогие товарищи. А вот Фридрих Энгельс, один из основоположников научного коммунизма, имел по этому поводу другое мнение. В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он говорил, что Гойя в своих «Капричиос» изобразил народ, показал нищих духом, которые с неиссякаемым слепым терпением кормят и холят своих угнетателей. Энгельс считал, что Гойя изобразил безропотную, безликую массу простых подневольных людей, застывших в тупой, тяжкой неподвижности. Вот ведь как.

Светлана оглядывает аудиторию, и в некоторых лицах проявляются черты обитателей гойевских офортов. Ей становится страшно. Она закрывает лицо руками, как бы ограждая себя от этих жутких видений. Приходит в себя от голоса профессора.

ПРОФЕССОР. Гойя дал здесь воплощение страха, того глубокого, затаённого страха, который тяготеет над всей страной суеверия и фанатизма масс. Самой известной работой серии является «Сон разума рождает чудовищ». А те-

перь вернёмся к офорту, с которого мы начали наше знакомство с «Капричиос». Гойя долго обдумывал, какой лист сделать первым. И наконец решился открыть цикл вот этой гравюрой, на которой он сам упал головой на стол и закрывает глаза от вселенской нечисти. И подписал: «Сон разума рождает чудовищ». Эту подпись можно отнести ко всему циклу. Недаром Энгельс сказал, что Гойя запечатлел здесь лицо самой Испании.

Ὁ ἄγιος
Ἰωάννης
ἁγίου

КТО-ТО ИЗ СТУДЕНТОВ. Да-а-а, это вам не соцреализм.

ВТОРОЙ СТУДЕНТ. Скорее SOS-реализм.

ПРОФЕССОР. В то время такой классификации искусства ещё не было. Любопытная деталь. «Капричиос» были выставлены на продажу в антикварной лавке на улице Калья де Десенганьо. Слово Desengano имеет двойкий смысл: оно означает разочарование, освобождение от чар, отрезвление, а также предостережение. Это предостережение потомкам от тупой покорности и животного страха перед властью имущими. Сон разума рождает чудовищ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.